

Современные цивилизационные тренды и массовая культура

Предлагаемая статья не преследует цели комплексного анализа всего многосоставного космоса современной культуры и всех векторов ее развития. Вряд ли подобное возможно даже в многотомной коллективной монографии: наука к решению такой задачи методологически пока не готова. Эта статья лишь попытка нащупать подходы к исследованию постмодернистской культуры и описанию механизмов образования новой парадигматики, представляющиеся сегодня наиболее значимыми. Ее центральный сюжет — судьба *конвенций*, на которых тысячелетиями держались человеческие сообщества. В сущности, то, что мы называем культурой, — и есть совокупность договоров или соглашений, гласных и негласных, устных и зафиксированных в документах. Их может разделять большинство, и тогда мы говорим о «массовой культуре», они могут быть приняты небольшими группами людей, и тогда мы определяем их как «субкультуру». Конвенции составляют тело культуры и одежду обществ. Они формируют сетку координат человеческой повседневности, позволяют отличать «своих» от «чужих», обеспечивают социальную коммуникацию, взаимопонимание и адекватное взаимодействие.

Одна из важнейших среди таких конвенций — время — в недавнем прошлом стала культурным событием планетарного масштаба. Встреча третьего тысячелетия, превращенная в грандиозный всемирный праздник, акцентировала и эту — договорную, условную его характеристику. Дело не только в асинхронности наступления самой даты — Земля не одномоментно, а постепенно, меридиан за меридианом втягивалась в праздник — а в том, что завершающееся второе тысячелетие вторым являлось только для христианского мира.

В других профессиональных кругах и за границами европейской системы летоисчисления подобной круглой даты не значилось, хотя наступление 2000 года отмечала, как известно, вся планета. Это был праздник «практической относительности», по-своему демонстрирующий всеобщее крушение одной из самых абсолютных и древних монархий на земле — царства Хроноса. Существование за его границами продолжительное время стало уделом немногих, главным образом, торговых людей. Для большинства же населения земного шара вопрос: «Который час?» имел вполне однозначный ответ. Временные пояса были известны, но для массы людей даже на протяжении большей части XX века оставались феноменом, скорее, интеллектуальным,

чем практически значимым. И вряд ли кому-то раньше могла прийти в голову идея «игры» с зимним и летним временем. Развитие глобальной аудиовизуальной коммуникации во всех ее формах (включая компьютерные сети) и миграционная подвижность населения планеты превратили эту область теории относительности в составную часть массовой социальной практики, обнажив давно уже исследовавшийся специалистами переменчивый конвенциональный характер.

Развенчивание в современной культуре представлений об абсолютности хронотопа, длительное время обеспечивавшего жесткость «координатной» сетки человеческого бытия, было лишь слабым запоздавшим эхом того, что происходило в науке с рубежа XX века. Неклассические математики, физики и т. д., появление теории относительности, формулировка принципа дополнительности, наконец, теорема о неполноте взорвали устоявшуюся картину мира. Эйнштейн нарисовал аномальные для обыденного сознания картины предметов, отдельные части которых движутся с разной скоростью, течение времени задается внешними по отношению к нему факторами и т.п. Нильс Бор, по сути, предложил отказаться от классического принципа тотальной системности, доказав, что явления могут и не находиться в причинно-следственной связи, а просто дополнять друг друга. На горизонте этой теории уже маячили идеи параллельных миров, «параязыков» и т. п.

Курт Гедель доказал, что ни одна самая красивая и мощная формальная теория не может дать исчерпывающее объяснение тому кругу явлений, который она охватывает, и для ее завершенности необходима еще одна теория более высокого уровня, которая тут же породит аналогичные проблемы и потребует создания теории следующего по иерархии уровня. Разум, тысячелетия стремившийся все более изощренными и сложными методами уловить завершенность и законченность системы мироздания, логику ее причинно-следственных зависимостей, которые должны были непротиворечиво объяснить сущее, в конечном итоге почувствовал себя бессильным перед зыбкостью, загадочностью и бездонностью постигнутого им бытия.

Формирование корпуса «неклассических» направлений, вывернувших «пифагоровы штаны», скрестивших параллельные прямые, разрушивших стройную объяснительную логику классических учений, увенчалось идеей о динамическом хаосе как основе мира, требующем «нелинейной науки» [6, с.23]. Прорыв в новые интеллектуальные миры привел к росту удельного веса гипотез, ставших едва ли не основными «героями» современных исследовательских методологий и обретших самоценность. Провести исследование с тем, чтобы сформулировать гипотезу о том, что же являлось его предметом, — отнюдь не аномалия для современной науки.

Однако то, что для ученых по определению — увлекательная профессиональная задача, для массового сознания оказалось тяжелым бременем. Исчезла вера во «всепобеждающую силу человеческого разума» и в возможность интеллекта сформулировать относительно законченный каталог принципов и закономерностей окружающего мира. Исчезла и надежда на то, что с помощью науки в обозримое время удастся гармонично обустроить человечество в окружающей среде. Обретение «Алефа», блистательно выписанное в одноименном рассказе Х.-Л. Борхеса, так и осталось неосуществленным, а ключи от каталогов Вавилонской библиотеки, хранящей систематику человеческой культуры, похоже, оказались потеряны всерьез.

Научные открытия на протяжении XX века с завидным постоянством ставили мир на грань катастрофы, в лучшем случае, провоцировали появление растущего множества рисков. Чтобы преодолеть или минимизировать их последствия, предпринимались титанические усилия, однако результатом становилось возникновение все новых и новых опасностей. Так, стремясь избежать негативных последствий разработки одних открытий, человечество оказывалось лицом к лицу с новыми рисками, возникавшими или при ликвидации старых, или при выстраивании новых бастионов защиты от прогнозируемых катастроф. Перманентная борьба с опасностями, порождающимися интеллектуальной инновационной деятельностью, в течение XX века становилась одним из факторов, консолидирующих человечество. Она позволяла сгладить расовые, этнические, конфессиональные и другие противоречия, не раз становившиеся «яблоком раздора» между государствами и континентами и приводившие к войнам. Мир, потерявший свою устойчивость и координатную определенность, под натиском постоянно накатывающихся глобальных угроз начал осознавать себя хрупким и беззащитным.

Тем не менее, прогулки человечества «по лезвию бритвы» продолжились и фактически стали нормой повседневности. Риски, уже вследствие невозможности их прогнозирования, приобрели характер стихийных бедствий, хотя они порождены не природными катаклизмами, а являются побочными продуктами полета научной фантазии и человеческой деятельности в целом. «Борьба за безопасность» оказалась не просто парадоксальным выражением, а похоронила или сделала весьма проблематичной часть универсальных культурных конвенций, когда-то скреплявших весь мир, именовавший себя «цивилизованным».

Порождение науки — техника — внесла свою лепту в новый образ мира, как-то незаметно подчинив себе всю жизнь на планете. Она позволила ликвидировать естественные маркеры ландшафтов — возвышенности, впадины, реки, болота. Ровный асфальт, типовая архитектура и рукотворные рощи сменили природную среду с ее

неожиданностями и аномалиями. Человек переструктурировал пространство и, залив ночь потоками дневного света, заодно отказался от природного чередования суточного пульса. На смену естественному хронотопу техника привела искусственный — разработанный несколькими профессиональными субкультурами. С их подачи возникли ТУ, ТЭУ и им подобные нормативы, начались игры с календарями, часовыми поясами, летним и зимним временем, названиями городов, улиц, государств. Концепции, сформировавшиеся внутри субкультур экспертов, подменили конвенции, существовавшие в массовой культуре, и заставили людей приспосабливаться к условиям «оптимизированной» действительности, являющейся продуктом социально-культурной инженерии.

Саморазвитие техники привело ко все более тонкому разделению труда, заметной индивидуализации самого процесса производства и росту значимости в нем узкой специализации. Быстрые мутации в орудийной стороне жизнедеятельности, все более существенное усложнение их «начинки» превратили работника в пользователя мало понятных ему по устройству машин и механизмов. Аналогичные изменения произошли и в бытовой технике. Человек оказался окруженным множеством предметов, об устройстве и принципах действия которых он почти ничего не знал, но которыми, тем не менее, регулярно в меру своих умений и навыков пользовался. «Общение» с ними не требовало интериоризированных культурных конвенций, а обеспечивалось элементарными инструкциями, подготовленными узкими группами специалистов-разработчиков.

За несколько десятилетий до кристаллизации этой ситуации Н.А. Бердяев провидчески писал: «Трагедия в том, что творение восстает против своего творца, более не повинуюсь ему... Прометеевский дух человека более не в силах овладеть созданной им техникой, справиться с раскованными небывалыми энергиями» [2, с.61]. Бунт техники стал одной из излюбленных тем социальной фантастики и отразил существующую в среде интеллектуалов глубокую обеспокоенность складывающейся ситуацией. В подобном контексте отнюдь не удивителен ренессанс казалась бы навсегда покинувшего «цивилизованный мир» антропоморфизма в отношениях с вещной средой. Выражения: «Дом не хочет здесь стоять», «У него машина не ездит», «Компьютер не может тебя понять» и т. п. выступают как раннемифологические по своим истокам объяснительные формулы-клише, за которыми скрывается наделение предметов душой, желаниями и нередко нравом.

В принципе сложившаяся ситуация несколько напоминает уже существовавшую когда-то на заре цивилизации и при всей парадоксальности сочетания терминов может быть названа «ренессансом архаического». В бесконечно далекие времена дикарь ощущал себя окруженным множеством сущностей, с которыми он общался как с себе подобными,

ради которых проходил инициационные обряды и которым приносил жертвы. Подобное отношение предков сегодня склонны объяснять незначительным объемом накопленных в тот период знаний. В нынешнее же время при сходном эффекте причина прямо противоположна. Ее можно обозначить как «перепроизводство новаций». По некоторым данным, в одном только в 1985 году объем новых публикаций ученых превысил все, появившееся в науке с периода Возрождения до 1985 года. Меньше, чем через десять лет — в 1994 году — это превышение стало трехкратным [1, с. 15]. Столь же интенсивно обновлялось оборудование, как производственное, так и бытовое, требуя от пользователя виртуозной адаптивности и пластичности. Вряд ли случайность, что современная техника, как и люди, различается не только по производителям (которые к тому же нередко маркируются цветом в расовом стиле — белые, желтые и т. п.), но и по поколениям. Утверждение во всех языках поколенческой характеристики продуктов производства может рассматриваться как еще один знак «неоантропоморфизации» современным человеком среды своего обитания.

Превращение модернизации в стихийный массовый процесс привело к тому, что люди перестали справляться с потоками информации и, не имея технологии упорядочивания, сжатия или переработки такого количества сведений, которое получали, прибегли к испытанному несколько тысячелетий назад и сохранившемуся в эзотерических культовых системах способу — начали «шаманить», заговаривать вещи, процессы, политических и деловых лидеров и т. п. Потребность преодоления информационного хаоса при отсутствии алгоритма его рационального упорядочивания естественно спровоцировало повышение роли интуиции. Но интуиция, как справедливо отмечалось исследователями, — колыбель, в которой как бы «спит архаическое сознание или архаический интеллект»¹. Не менее важно и то, что интуиция — механизм сугубо индивидуальный, «запускающийся» там и тогда, где и когда не хватает культурных конвенций и опирающихся на них стереотипных автоматизмов.

Техника, процесс ее производства и коммерческие интересы ее производителей глубоко изменили повседневность и среду существования человека, вне зависимости от субъективного желания людей сместили трудовой процесс, а за ним и общество в целом в иную сферу — сферу массового производства. Повышение требований производства к квалификации работника вызвали к жизни постоянно совершенствующуюся систему массового образования и способствовали общему повышению уровня интеллектуальной нормы, достижение которой стало одной из глобальных задач развития человечества.

¹ Если рациональная левополушарная ориентация оказывается малоэффективной, то как компенсация генерируются правополушарные механизмы (см. [10, с. 21]).

Здесь также завязался один из парадоксальных узлов современной цивилизации, которая стремится создать типовую систему подготовки современного квалифицированного работника, призванную «производить» индивидуализирующегося человека, способного управлять закрытыми для него постоянно модернизирующимися технологическими процессами.

Массовое производство типовых изделий создало вокруг человека качественно новую бытовую среду. В отличие от старой, устойчивой обиходной сферы, которая традиционно была одним из самых консервативных факторов в истории цивилизационного процесса, новая ее версия оказалась динамично и перманентно модернизирующейся. **ВРЕЗКА** Человек перестал жить не только в доступном его пониманию, но и просто в устойчивом мире. Ось цивилизации начала сдвигаться, раскачивая и разрушая оставшиеся традиции, требуя от человека постоянной готовности к изменениям, внутренней мобильности и высокой степени адаптивности². **КОНЕЦ ВРЕЗКИ**

Своего рода противовесом этому процессу стало наращивание процедурно-бюрократической регуляции взаимодействия людей, породившей развитые законодательные системы, отличающиеся значительной консервативностью.

Подобный процесс, однако, вызвал кризис непосредственной социальной солидарности, основанной на личностном взаимодействии. В обществе начал доминировать тип безличностного функционально-ролевого общения, ставшего одним из оснований современной урбанистической культуры (более подробно см. [5, с. 68—70]). Жесткий ритм напряженной жизни все больше разобщал людей, а конкуренция за положение в системе распределения благ лишь увеличивала дистанцию между ними и порождала отчуждение, ставшее одним из важных слагаемых нового социально-психологического климата планеты.

Само по себе отчуждение, о котором интенсивно писали западные философы, может быть рассмотрено не только как негативная особенность современной социальной коммуникации, но и как один из механизмов, позволяющих культуре развиваться в исторически беспрецедентном темпе. При наличии тесной связи с предметным миром и миром человеческих отношений, в частности при жестком и эффективном контроле со стороны старших за младшими, и при общественно регулируемой трансляции системы поколенческих ценностей культура обречена на стабильность, плавное, постепенное развитие, малую трансформацию во времени, что, впрочем, как показывает история, не исключало возможности отдельных локальных прорывов. На протяжении тысячелетий

² С этой точки зрения, появление особой ветви социологии — «Социологии адаптации» — представляется весьма симптоматичным.

именно в таком — плавном — темпе и проходило ее развитие. Подобный тип культурной динамики один из крупных американских этнологов Маргарет Мид предложила назвать «постфигуративным». Стадиально ему наследовал «кофигуративный» тип, специфическая черта которого — одновременное освоение старшими и младшими новых культурных условий в обособленных группах.

Институционализация таких групп породила, в частности, так называемую «молодежную культуру» со всеми ее разновидностями. Совокупность черт, обрисованных М. Мид в рамках кофигуративной культуры, позволяет отнести ее становление к рубежу XIX века, хотя доминирующей она стала столетием позже. Наконец, во второй половине XX века мир стал постепенно погружаться в «префигуративный» тип культуры, построенный на необратимом разрыве между опытом различных поколений. В этом типе культуры, по убеждению автора, бытие может быть освоено как «свое» лишь детьми. Всем взрослым в нем уготована участь иммигрантов [8].

Префигуративная культура построена на инверсии традиционного распределения ролей: взрослые в ней уже не самые опытные и знающие, а их власти недостаточно, чтобы заставить следующие поколения играть «по своим нотам». **ВРЕЗКА** Молодежь претендует на место лидеров культуры, поскольку все новые пласты, новые формы, а также коммуникативные стили и средства апробируются и тиражируются раньше всего молодежью и «подогнаны» к ее возможностям. **КОНЕЦ ВРЕЗКИ** Превращение молодежи в нормосозидающий фактор современного цивилизационного процесса показательно прежде всего потому, что может быть рассмотрено как свидетельство изменения функций традиции и основы их сохранения. Простые однозначные ответы на вопросы «Что такое хорошо?» и «Что такое плохо?» остались в детских стихах довоенного прошлого. Современная культурная практика показывает, что для молодежи «хорошо» — это то, что современно, т. е. сделано при их жизни, соответствует моде и становится вождленным объектом массового потребления-поклонения.

В самой последней формуле, впрочем, есть противоречие. Между соответствием моде и массовым потреблением любой продукт проходит несколько стадий. Мода, конечно, подразумевает массовую норму, но лишь как объект вызова. Она всегда — игра на опережение, игра «в небывальщину». Одновременно в такой игре реставрируются, «всплывают» из памяти прошлого отдельные фрагменты исторических сюжетов, элементов обрядов, памятников и т. п., но, естественно, вне породивших их традиций и существовавших тогда конвенций. Культура моды по определению невозможна. Возможен лишь ее культ. Лишь один принцип в отношениях с культурой мода выдерживала достаточно последовательно — она была ее антиподом, по существу,

контркультурой. Ибо конвенция о том, чтобы не придерживаться никаких конвенций, предоставляющая каждому человеку полную свободу превращать свою жизнь в поле свободного творчества, делает сущностно невозможной массовую культуру в традиционном смысле этого слова.

Модным стало не следование общепринятым стандартам, а отличие от других. Само понятие общепринятого в значительной мере обесмысливается ситуацией преобладания тенденции к индивидуализации. Век потребностей и культурного опыта становится бесконечно разнообразным, а отсутствие жесткой общественной детерминации поведенческих структур и типов позволяет находить столь же многообразные формы самореализации. Мода, как и все технические стандарты, — продукт специальной инженерии, технология которой выработана в одной из локальных субкультур. Как и всякий инжиниринг, она носит замкнуто экспертный характер, что ярко проявляется на рубеже любого сезона, когда кутюрье сообщают публике, что на ближайшее время будет модным. По аналогичной схеме сегодня во всех странах работают если не все, то большинство культуuroобразующих институтов, в том числе те, которые обеспечивают связь нашей разорванной действительности с прошлым. Из массы накопленного человечеством за всю его долгую историю материала эксперты отбирают то, что будет экспонироваться в музеях, что будет сохранено как экспонат, и на основе своих цеховых профессиональных критериев определяют, чему дать потенциальное место в общественном сознании, а что должно быть уведено в запасники, по сути, до прихода экспертов следующего поколения с новыми критериями отбора.

Но любой музей — всегда искусственная редукция реальной жизни прошлого. Для кого-то оставленных или выставленных элементов вполне достаточно, чтобы восстановить целое, но для подавляющего большинства это лишь разрозненные фрагменты, включающиеся в структуры актуальной повседневности наравне со всеми другими ее элементами. Яркий образчик этого процесса — параллельные названия улиц, принятые в некоторых городах и отражающие историю их переименования. В результате соседи оказываются как бы живущими по своему выбору на разных улицах в разных исторических измерениях. Традиция рассыпается на отдельные, не связанные друг с другом знаковые сегменты, а ее хранители из состава экспертных сообществ скромно уходят в тень, считая, что их миссия — лишь осуществление отбора, дальнейшая же судьба того, что ими «омузеено», — вне их власти.

В значительной мере это действительно так. **ВРЕЗКА** Сама система коммуникаций, характерная для современной культуры, ее динамика демонстрирует растущую свободу обращения с любыми артефактами, вне зависимости от материала и того поля значений,

которое стоит за ними. **КОНЕЦ ВРЕЗКИ** Инициатива выбора и формирование поля значений для выбранного оказалась едва ли не впервые в истории человеческих сообществ исключительно личным делом, в котором обнаруживается нечто, что можно назвать «бессознательной индивидуальностью» [3, с. 404]. Именно поэтому можно без особой натяжки утверждать, что для современного массового сознания египетские пирамиды отличаются от архитектурных изысков Ле Корбюзье только номером канала и временем демонстрации. Они уравнены универсальной «обложкой» телеприемника, полисемией бытовой территории, в которую свободно «впечатываются» самые разнородные предметы и образы, культурные тексты и «метатексты» И это не вызывает вопросов о причинах их появления или принципах компоновки в каждом конкретном случае, поскольку индивидуальное пространство практически везде в настоящее время свободно от всяких обязательств перед социальными нормами и культурными конвенциями³.

Культура расслоилась и, благодаря возросшей социальной дистанции и отсутствию личностного контроля над индивидуальной жизнедеятельностью, стала напоминать вавилонское столпотворение, в котором каждая генерация, каждая возрастная когорта разговаривает на своем собственном языке, вырастает в своем собственном культурном ландшафте, который на всю жизнь так и остается для нее привычным и родным. Психологически такой ландшафт оказывается для людей одного возраста как бы законсервированным и существует вне зависимости от того, какие изменения реально переживает, а какие ему еще предстоят в дальнейшем.

В подобной конструкции жизни существование массовой культуры как комплекса общих для больших групп населения конвенций оказывается более чем проблематичным, если не сказать невозможным. Наличие и могущество каналов «массовой коммуникации» не в состоянии превратить тиражирующиеся образцы в массовую культуру, поскольку каждая группа и каждый индивид в отдельности может иметь свой собственный код и пароль для приема и оценки информации и, следовательно, будет формировать

³ Для идеалов современного западного стиля жизни характерна минимизация и даже полное исчезновение знаков «очаговости», которые практически всю историю человечества и были характерными признаками жилища. Дело не только в обычае проводить застолье в кафе вне дома. Даже то, что готовится непосредственно в жилом пространстве, лишено характерного аккомпанемента запахов, не имеет отношения к живому огню и, к тому же, делается из мертвых полуфабрикатов. СВЧ и электропароварка гарантируют вам стерильность атмосферы, полную сохранность витаминов, но в результате существенно ослабляют семантическую маркировку жилища, и без того насыщенного предметами, имеющими совершенно различную культурную модальность. Все, что попадает в подобную стерильную атмосферу, в свою очередь, лишается цвета и запаха и приобретает некоторый общеусредненный вид. Непрерывный поток разнородной экранной продукции, вливающийся в квартиру через универсальный телеприемник, стоящий в жестко закрепленном за ним месте, лишь один из факторов, способствующих стиранию границ культурных миров.

собственную семантическую систему как эквивалент стертой коллективной культурной конвенции.

Осознание чересполосицы культурных ландшафтов, в которых сосуществуют миллионы людей, позволяет более взвешенно и спокойно оценить сам феномен массовости, «толпности» как один из специфических знаков нововременной цивилизации. Человечество никогда не имело возможности собирать миллиарды людей на всех континентах вокруг какого-либо зрелища — спортивного матча или концерта звезд, что ныне, благодаря телемодам, превратилось едва ли не в повседневность. Толпа в рамках некоторых концепций последнего времени начинает рассматриваться как почва, порождающая индивида, освобожденного от жесткой и непосредственной детерминации нормопорождающих социальных связей. Некоторые исследователи даже обращаются к далекой истории в поисках знака такого выделения. В частности, отмечается в этой связи, что только «Новый Завет», хронологически более поздний по сравнению с «Ветхим Заветом», показывает царство, в котором властвуют толпы. Именно толпа позволяет народу, спаянному единством верований, жизненного опыта и самоощущения, превратиться в массу отдельных индивидуумов, и именно в ситуации «толпности» появляются социальные роли учителя как носителя собственного знания и одновременно его проповедника, а вместе с тем рождается и внимающая аудитория [8].

Собственность на знание, которое передается людям, а потому не является всеобщим достоянием, свидетельствует или о расколе некогда единой всенародной ойкумены, или об угрозе амортизации жизненно важной для коллектива информации, что в принципе одно и то же. Это не значит, что ойкумена, распадаясь как территориально-племенное единство, полностью исчезает. Исследования психологов и социологов показали, что существуют пласты коллективного бессознательного, своего рода рефлекторные автоматизмы, которые заставляют людей помимо их воли действовать в тех или иных ситуациях сходным образом. Но можем ли мы их называть «культурой»? Или это всего лишь ее основа, стадияльно относящаяся к «доисторической реальности», над которой позже начинает надстраиваться цепь конвенций?

Субъекты таких конвенций традиционно выстраивали иерархию, стержнем которой была ответственность группы, образованной по тому или иному принципу (родству, социальному статусу, профессии, возрасту и т. д.), за каждого ее члена. В традиционных типах культуры можно говорить об адаптации отдельных общностей друг к другу, основанной на подчинении частных интересов интересам всех членов существующих в рамках социального целого. Однако ситуация, при которой каждый начинает нести

ответственность за судьбу целого, является специфической для типа современной культуры. В ней резко изменяется статус индивидуальной адаптации.

Адаптацию в самом общем плане можно трактовать как нацеленность субъекта деятельности на формирование конвенционального поля или согласие принять существующие конвенциональные условия. Механизм формирования подобной ориентации в прошлом был непосредственно связан с давлением на индивида социального целого через властные, религиозные и семейные институты. Уже в XIX веке, по мере индивидуализации повседневной жизни, ситуация начала меняться, и в следующем столетии очерченный механизм практически перестал функционировать.

Резкий рост роли индивидуальной адаптации был подготовлен логикой развития культуры с рубежа XX века. Уже романтизм сфокусировал общественное внимание на неординарной личности и поднял ее на пьедестал. Нельзя сказать, что неординарность человека до этой эпохи оставалась абсолютно незамеченной. Однако любые отклонения от средней нормы трактовались как божественное знамение, сакральный знак. Материалистические течения и исследовательская практика демистифицировали человеческие аномалии. Еще в конце 80-х годов XIX столетия выдающийся французский социолог М. Гюйо, не без полемического вызова, написал: «Наука убила в нас веру в сверхъестественное. Мы не можем уже принимать наши видения за откровения, а видим в них простые галлюцинации» [4, с. 242]. Одним из частных результатов этого процесса, по его мнению, стал культ искусства, превратившийся в сублимацию былой религиозности, и отказ от заветов прошлых поколений. «Вместо того, чтобы принять уже готовые догмы, — то ли с осуждением, то ли с грустью констатировал он, — мы сами должны создавать наши верования» [4, с. 256]. Позже эта тема красной нитью пройдет через работы Хосе Ортеги-и-Гассета⁴, ряда других философов, анализировавших современный культурный процесс.

Искусство действительно стало претендовать на роль одного из основных центров формирования общезначимых конвенций. Оно своими способами конструирует пространственно-временную сетку человеческой жизнедеятельности, смятую научными парадигмами и техническими достижениями, а его «супергерои» — **ВРЕЗКА** звезды шоу-

⁴ В одной из работ, как бы разворачивая цитированную мысль М. Гюйо, испанский философ напишет: «Радикальнейший отрыв прошлого от настоящего есть факт, который суммарно характеризует наше время, возбуждая при этом смутное подозрение, что именно он повинен в каком-то особенном чувстве тревоги, переживаемом нами в эти годы. Неожиданно мы ощутили себя еще более одинокими на нашей земле; мертвые умерли не в шутку, а всерьез и окончательно, и больше они ничем не смогут помочь нам. Улетучились последние остатки духа преемственности, традиции. Модели, нормы и правила нам больше не служат. Мы принуждены решать свои проблемы без активной помощи прошлого, в абсолютном актуализме, будь то проблемы искусства, науки или политики. Европейец остался одиноким. потерял собственную тень» [9, с. 308].

бизнеса — успешно конкурируют с традиционными сакральными фигурами за место харизматических лидеров и даже замещают традиционных святых для значительной части населения планеты. Не иконы, а портреты украшают самые важные точки жилищ наших современников, им приносят дары, в их честь совершают жертвоприношения, покрывают себя наколками, формируют парасакральные символические системы. **КОНЕЦ ВРЕЗКИ**

В свою очередь, звезды перестают говорить, а предпочитают вещать и «презентироваться», как бы продолжая играть в свои сценические имиджи. Их художественная лексика (включая костюм, элементы сценического антуража и т. п.) все заметнее насыщается заимствованиями из наиболее древних фрагментов музейных коллекций, любовно отобранных для совершенно иных целей соответствующими экспертами. Это и есть Шекспир или «Песнь песней» в качестве основы текста поп-композиций, копии тотемической атрибутики африканских племен в качестве декорации шоу. Однако и за границами зрелищного бизнеса и кича — в искусстве академической традиции — примерка священных символов прошлого к настоящему и соответствующие им притязания на роль знатоков эзотерических глубин строения мирового вещества и мировой души играют для самых серьезных художников XX века очень значимую роль.

Показательно в этой связи, что вручение призов на некоторых национальных и крупных международных конкурсах по своей торжественности и общему возвышенному тону оставило далеко позади выходы современных монархов и даже лидеров мировых церквей. Роль духовных пастырей стала одной из излюбленных в мире искусств. Корпус менеджеров, созидających рынок для художественной деятельности, формирует комплекс новых принципов стратификации, первичными среди которых являются уже не социальные (или классовые) признаки, а предпочтения в области искусства. Производство и дистрибуция продуктов художественной деятельности становятся все более точно направленными в русло индивидуальных и малогрупповых интересов, а место и время проведения культурных акций начинает образовывать общезначимый календарь для населения растущей части планеты.

Последнее, впрочем, касается прежде всего праздничных мероприятий. Уже сама суэта и разнообразие на мировом рынке «праздничного предложения» может рассматриваться как свидетельство определенных потребностей современной культуры, которые ищут механизм и пространство для своей реализации. На фоне разрушения общих конвенциональных ритмов жизни человечества праздники кажутся едва ли не самыми важными консолидирующими человеческие сообщества факторами.

Праздники образуют свою календарную сетку, надстраивающуюся над монотонным течением суточного времени. Праздники маркируют течение временного потока, образуя

на его пути своеобразные «острова» разной природы, на которых в законсервированном, свернутом виде хранится информация о способах самоорганизации человеческих сообществ на разных стадиях развития цивилизации. Среди них можно выделить фольклорные по своему происхождению архаические календарные праздники, связанные со сменой времен года и хранящие архетипы, быть может, еще «докультурной» истории человечества. Иной календарь, рожденный преимущественно закономерностями движения планет в солнечной системе (прежде всего, самого солнца и луны), лежит в основе ранних культовых праздников. У них свой язык, ритуалы и своя знаково-символическая система. Особый календарь и язык у поздних религиозных праздников (христианских, буддийских и т.п.). Социальные общности разного типа также формируют свои праздничные календари. Государство предлагает населению праздники, связанные с историческими датами — конституционными, днями рождения монархов или выдающихся деятелей, воинскими победами и др. Свой праздничный календарь имеют профессиональные и партийные объединения. Праздники, как и все акцентированные культурные акции, не только расчленяют временной поток, но и маркируют, структурируют и особым образом семантизируют пространство, в котором они проводятся.

Такого рода типологии могут быть соотнесены с двумя основными координатами человеческого бытия — социальной и культурной. Очевидно, что между различными типами праздников идет интенсивный обмен элементами словарей, ритуалов и церемониалов, которые можно рассматривать как отражение процесса взаимодействия этих координат. Является ли это путем к формированию новой целостности культуры — массовой культуры будущего, — или это только способ саморазвития каждого из исторических пластов цивилизации, которые так и будут сосуществовать, образуя более или менее устойчивый калейдоскоп возможных выборов, обогащающих индивидуальные культурные технологии? Традиционный ответ на подобный вопрос мог бы быть таким: «Это покажет будущее». Сегодня, если верна логика предыдущих рассуждений, нам придется сказать уже нечто иное: «Все зависит от того, что мы придумаем и насколько эффективно воплотим».

Список использованной литературы

1. *Арнольдов А.* Цивилизация на пути к будущему // *Культурология: новые подходы.* — Вып. 2. — М., 1997.
2. *Бердяев Н.* Человек и машина // *Вопросы философии.* — 1989. — № 2.
3. *Волошин М.* Лики творчества. — Л., 1988.

4. *Гюйо М.* Безверие будущего. — СПб., 1908.
5. Искусство в культуре социалистического общества. — М.: Наука, 1990.
6. *Капица С., Курдюмов С., Малинецкий Г.* Синэргетика и прогнозы будущего. — М., 1997.
7. *Ковельман А.* Рождение толпы: от Ветхого к Новому Завету // *Одиссей-1993*. — М.: Наука, 1994. — С. 128—132.
8. *Мид М.* Культура и мир детства. — М.: Наука, 1988. — С. 322—361.
9. *Ортега-и-Гассет Х.* Искусство в настоящем и прошлом // *Эстетика. Философия культуры*. — М.: Искусство, 1991.
10. *Субетто А.* Бессознательное. Архаика. Вера. — СПб.—М., 1997.